УДК 94(47).083.4

Чернов Лев Алексеевич

аспирант кафедры истории России исторического факультета Ивановского государственного университета
editor@hist-edy.ru

Chernov Lev Alekseevich

Postgraduate Student of the Department of Russian History of the Faculty of History of Ivanovo State University
editor@hist-edy.ru

ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ ОФИЦЕРОВ РУССКОЙ АРМИИ В МАНЬЧЖУРИИ В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904-1905 гг.

Статья посвящена жилищным условиям офицерского корпуса русской армии в Маньчжурии в годы русско-японской войны. В работе исследованы основные типы жилья, которыми могли пользоваться войска на позициях. Дана характеристика традиционного китайского типа жилища – фанзы. Описаны условия проживания тыловых офицеров, а также высшего командного состава.

Ключевые слова: **бивак, фанза, землянка, палатка, чемодан-кровать.**

LIVING CONDITIONS OF THE RUSSIAN OFFICER CORPS IN MANCHURIA DURING THE RUSSO-JAPANESE WAR 1904-1905

The article considers the living conditions of the Russian officer corps in Manchuria during the Russo-Japanese war. The research analyzes the main types of accommodation that could be used by the troops at the front. The characteristic of the traditional Chinese type of housing, fanza, has been presented. The living conditions of the rear officers as well as the generalship have been described.

Key words: **bivouac, fanza, dugout, tent, suitcase bed.**

Русско-японская война 1904-1905 гг. – первый конфликт XX в., который определил облик будущих войн. Это было первое столкновение крупных держав, в котором участвовали флоты, состоящие из броненосцев – кораблей нового типа, в Маньчжурии и на Ляодунском полуострове сражались армии, вооруженные оружием нового образца. Масштабы битв по численности участвовавших в них войск предвосхитили масштабы сражений Первой мировой войны. Новые технические достижения, новая тактика, новая система организации войск – все это относится к войне 1904-1905 гг.

Это предопределило большой интерес историков к дальневосточным событиям начала XX в. Исследователи обращаются к совершенно разным аспектам, связанным с тем неудачным для России конфликтом: военные действия на суше и на море, разведка и контрразведка, и многие другие. В данной статье внимание обращено на повседневную жизнь армии на Дальнем Востоке во время войны.

Одной из важных проблем при изучении повседневной жизни армии в условиях боевых действий является вопрос о жилищных условиях личного состава. Если быт рядовых был полностью регламентирован, то офицеры имели некоторую свободу. Кроме этого, они по различным причинам чаще, чем нижние чины, оказывались вне расположения своей части, что предполагало большую вариативность в плане выбора места временного жилья или ночлега. Рассмотрим, где и как жили офицеры Маньчжурских армий в годы войны.

Обычной формой расположения войск на отдых являлся бивак, т.е. ночевка в условиях похода. Густая населенность района боевых действий позволяла останавливаться на ночлег в китайских деревнях. Обычно селение разбивали на сектора [24, с. 38], в которых останавливались определенные порядком похода воинской части. Китайцам оставляли несколько фанз, остальные занимали войска. Офицеры, как правило, ночевали вместе [20, с. 503; 23, с. 142] в наиболее чистой и теплой фанзе, которую удавалось найти в деревне. У этой же фанзы обычно на следующий день строилась вся часть для дальнейшего движения [22, с. 14].

Традиционный китайский тип жилища – фанза – строился из кирпича, камня, глины или гаоляна, обмазанного глиной. Наиболее часто встречались постройки из камня или глины. Крыша была черепичной или соломенной. В фанзе обычно расположены два входа: один посередине переднего, другой посередине заднего фасадов. Двери эти вели в узкий проход, который в источниках называют более привычным для русских словом сени [17, с. 763]. Этим проходом все здание делилось на две равные части: мужскую и женскую.

Вдоль окон как правило располагались низкие лежанки или так называемые каны. Они шли вдоль всей стены, их ширина составляла около 3 аршин, т.е. чуть больше 2 метров. Офицеры обычно ставили на них свои походные кровати или спали прямо на самом кане, устилая его соломой, а затем покрывая циновками и бурками [7, с. 60]. В большинстве случаев кан нагревался оча-

гами, в которых китайцы готовили пищу, а иногда отдельными топками. От топок шли дымоходы под поверхностью кана, которые и нагревали его. Он быстро нагревался и хорошо держал тепло. Несмотря на это, зимой в фанзах было все же холодно. По этому поводу М.В. Грулев писал: «Температура в комнате крайне неравномерная: на кане нестерпимая жара, а посреди комнаты вода замерзает» [6, с. 346]. Зимой китайцы и на улице и в фанзах ходили в одном и том же ватном костюме, который редко снимали даже ночью, поэтому для них холод в фанзе был мало ощутим.

Кроме фанз офицеры могли останавливаться в кумирнях, т.е. китайских молельнях, как одиноко стоящих, так и расположенных в деревнях. Опишем одну из таких кумирен отрывком из воспоминаний Б. Адамовича: «Постройка окружена высокой, около 1,5 сажени, великолепно сложенной каменной стеной… через ворота, проложенные в толстой каменной кладке, ведет главный вход; через двор проложены каменные плиты, по сторонам их стоят монументы и обелиски, направо и налево, по бокам двора, крытые галереи и прямо против входа открытый храм.. в виде фундаментально построенного навеса с открытой стороной ко двору… весь пол вымощен каменными плитами и застлан гаоляном, на котором спят солдаты» [2, с. 163]. Кумирни были предпочтительнее фанз по нескольким причинам. Во-первых, обнесенная стеной территория служила хорошей защитой от ветра и холода, а также являлась загоном для лошадей; во-вторых, стены также могли послужить укреплением в случае внезапного нападения японцев или хунхузов. В-третьих, кумирни были чище, чем большинство китайских домов, «отвратительно» пахнувших [24, с. 36].

Часто офицеры брезговали останавливаться в домах китайцев, предпочитая ночевать в палатках. Отец Митрофан Серебрянский пишет: «фанзы довольно приличные, но ужасный запах и явные признаки клопов и вшей заставили нас поместиться в палатках» [14, с. 70]. Или другое подобное упоминание еще одного участника войны В.П. Кравкова: «За отсутствием хороших чистых фанз разместились в походных палатках, расставленных в одном большом грушевом и сливовом саду» [11, с. 260]. Нам представляется, что подобное желание избегать грязных помещений было вызвано не только чувством брезгливости, но и опасением получить инфекционные заболевания.

Палатки ставились отдельно для солдат и офицеров. Такое разделение было присуще всем родами войск в составе Маньчжурских армий: пехоте, артиллерии и кавалерии, в том числе казакам [10, с. 87]. Палатки были рассчитаны на 6 человек. Они были сшиты из полотна защитного цвета, пропитанного специальным химическим раствором, затруднявшим намокание ткани, и перевозились в обозе. Если была возможность, то палатку обкладывали стеблями гаоляна, который давал дополнительную защиту от ветра [6, с. 328]. В ходе войны в войсках был выработан особый тип палатки-шатра, который был рассчитан на большее количество человек.

В холодное время года, когда перемещений войск почти не было, войска были расквартированы в основном в землянках. Как правило, офицеры селились отдельно от рядовых, но так получалось не всегда. Например, при обороне Путиловской сопки во время сражения у р. Шахэ в начале октября 1904 г. все военные чины, участвовавшие в боях, помещались вместе [7, с. 97]. Офицеры старались «обжить» предоставленные им землянки, свозя и устанавливая свой походный багаж, развешивая там китайские циновки, топя печи, закрывая подручными средствами щели в дверях и окнах. На зимних стоянках, занимавших продолжительное время, устраивали даже бани [8, с. 170].

Естественными проблемами, которые возникали при жизни в землянках, являлись сырость и плохая вентиляция. С сыростью боролись, выкладывая печи, которые, нагреваясь, высушивали помещение, а также гаоляновыми и соломенными подстилками, которые, впитывая влагу, могли быть заменены. Плохая вентиляция же была главной проблемой всех землянок. Офицерам приходилось делать выбор: оставлять окна для проветривания, тем самым выпуская тепло из землянки, или же плотно их закупоривать, сохраняя тепло, а вместе с ним и всё сопутствующее жизни в закрытом пространстве: «запах людей, остатки кушаний, вонь от сапог» [21, с. 334].

Однако офицеры не всегда имели возможность остановиться в деревне или кумирне, особенно в достаточно слабо населенной восточной части Маньчжурии, также не всегда удавалось поставить палатку, т.к. обоз мог быть далеко или ночь заставала офицера далеко от расположения своей части. Тогда приходилось устраивать стоянку под открытым небом. В таких случаях офицеры были вынуждены пользоваться любыми средствами, чтобы обустроить свой ночлег или временное жилье. Если была возможность, то строили шалаши из стеблей гаоляна [24, с. 15], этими же стеблями устилали пол, чтобы создать прослойку между землей и телом.

Интересен рассказ Н.В. Вороновича об одной такой ночевке в поле: «Офицеры, кроме командира, оставшегося на станции… расположились пить чай также вокруг костра. Напившись чаю и завернувшись в бурки, мы, несмотря на сильный холод, быстро заснули. Ночью костер погас, но мы этого не заметили. Проснувшись на рассвете, я понял, почему мне под буркой стало теплее; за

ночь выпал снег и покрыл нас толстым пушистым слоем. Взглянув на моих соседей по ночлегу, я увидел огромные кучи снега, из которых поднимался пар» [5, с. 25]. Офицеры укрывались лошадиными попонами, бурками, шинелями. Были и специальные походные вещи, например походные спальные шерстяные мешки с резиновым покрытием, которые не пропускали воду, а также резиновые надувные подушки и матрасы [18, с. 141].

В ходе русско-японской войны большое распространение получили так называемые чемоданы-кровати. Подобные системы применялись и раньше, но именно в ходе рассматриваемого военного конфликта они показали свою эффективность и универсальность. Опишем самый известный в среде офицеров чемодан-кровать системы И.И. Гинтера. В сложенном виде он представлял собой покрытый брезентовым чехлом чемодан и состоял из двух отделений. Первое из них представляло собой ящик для вещей, изготовленный из досок и фанеры. Он оклеивался парусиной, по краям обивался цинком, а откидная крышка запиралась на замок. Второе – кровать, которая состояла из деревянных брусков, соединявшимися между собой железными шарнирами, обеспечивающими компактное складывание. Изголовьем служил небольшой щиток, который после складывания полевой кровати являлся верней крышкой самого чемодана. Вес всей конструкции составлял 39 фунтов, т.е. около 15 килограмм. Кроме чемодана-кровати системы Гинтера на фронте встречались и другие подобные устройства: Антосевича, Любушкина, Хайнацкого, Мюллера и другие [19, с. 982]. Все они имели одинаковый принцип конструкции, но отличались по весу, использованными материалами и компоновкой составных частей.

В тылу существовали так называемые «офицерские этапы» для отправлявшихся на театр военных действий. Это были бараки или землянки, предназначенные для кратковременного пребывания с дальнейшим перенаправлением либо в действующую на передовых позициях часть, либо для службы в тылу. Бараки представляли из себя одноэтажные дощатые здания наполовину углубленные в землю. Барак делился на две части длинным коридором, по обе стороны от которого располагались комнаты; каждая рассчитана на двух человек [12, с. 4]. Землянки предназначались для большего количества приезжающих при кратковременном пребывании в них [4, с. 2], поэтому, по мнению современников, они были лишены «самых простых удобств» [3, с. 316].

Кроме этого офицеры могли останавливаться в гостиницах. Практически все они располагались в Харбине как городе, где было сосредоточено большинство тыловых учреждений, центральных складов и продовольственных магазинов, а также основных резервов русской армии. Они практически всегда были заполнены, поскольку предоставляли лучшие условия проживания нежели офицерские этапы. Они тоже не отличались комфортом, за что их номера среди современников зачастую получали эпитеты «грязные конуры» [1, с. 163] или «жалкие чуланы» [3, с. 316].

Для нужд тыла армии было сформировано 2 общежития для офицеров резерва, а также занимающих нестроевые должности в тылу. Одно из них располагалось в бывшей гостинице недалеко от железнодорожного вокзала, другое – в казарме 17-го Восточно-сибирского полка в так называемом Новом городе. А.И. Писанецкий так описывает общежитие, переделанное из бывшей казармы: «Обширное, в несколько десятков сажен длины и несколько саженей ширины, казарма, разделенная арками на пролеты, была буквально переполнена топчанами, складными походными кроватями, сундуками, чемоданами… Вешалками для платья служили солдатские ружейные пирамиды, а столами всевозможные табуретки и ящики» [16, с. 214].

Более состоятельные тыловые и штабные офицеры снимали жилье у местных жителей. Приближенные к штабам Наместника или главнокомандующего жили в отдельных вагонах близи своего непосредственного начальника [15, с. 3]. У генералитета наблюдалось стремление к роскоши, к комфортабельной жизни в ближайшем тылу. Причем примеры подавали командующие армиями. Так, адмирал Алексеев был владельцем домов в Порт-Артуре, Дальнем и Мукдене. Также в его владении был поезд из 6 пульмановских вагонов [6, с. 157], с «громадными салонами и столовыми для него самого и всего его штаба» [13, с. 173]. Перед его составом пускался пробный поезд, который должен был проверить безопасность пути. Адмирал Алексеев останавливался на ночь на станциях, и во время стоянки туда не допускался дальше семафоров ни один поезд, всякое движение по станционным путям прекращалось.

Затем подобный поезд был придан штабу А.Н. Куропаткина. Этот состав был обставлен «роскошной мебелью, коврами, люстрами» [9, с. 48] и раздражал простых офицеров, вынужденных жить в гораздо более скромных условиях. К лету 1905 г. эта «мода» на поезда распространилась на всю армию, в результате чего почти все большие и комфортабельные пассажирские вагоны Южно-Маньчжурской железной дороги оказались занятыми под помещения начальников, а большую часть офицеров и пассажиров приходилось перевозить в товарных вагонах (их еще называли «скотскими»).

Подобные контрасты роскоши для высших чинов армии по сравнению с офицерским бытом на позициях сразу настраивали только прибывших и воевавших на фронте офицеров против штабных чинов. Тем не менее, густая населенность района боевых действий, дававшая возможность располагаться в деревнях и городах, продолжительные зимние затишья, во время которых обустраивались землянки, и обеспеченность офицеров палатками позволяют утверждать, что жилищная проблема хотя и имела место, но не была насущной, что получило отражение в источниках различных типов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Адамович Б.* Из походного журнала // Военный сборник. 1904. № 11.
2. *Адамович Б.* Из походного журнала // Военный сборник. 1905. № 1.
3. *Вересаев В.В.* Записки врача. На японской войне. М., 1986.
4. Вестник Маньчжурских армий. 1904. № 114.
5. *Воронович Н.В.* Русско-японская война. Воспоминания. Нью-Йорк, 1952.
6. *Грулев М.В.* В штабах и на полях Дальнего Востока: воспоминания офицера Генерального Штаба и командира полка о русско-японской войне. СПб., 1908.
7. *Гусев С.Я.* Свежие раны. Воспоминания корпусного контролера о русско-японской войне. СПб., 1911.
8. *Данилов Г.А.* Сибирская казачья дивизия в походе против Японии в 1904 и 1905 годах. Ташкент, 1913.
9. *Дружинин К.И.* Воспоминания о русско-японской войне 1904-1905 гг. участника-добровольца. СПб., 1909.
10. *Квитка А.* Дневник Забайкальского казачьего офицера. Русско-японская война 1904-1905. СПб., 1908.
11. *Кравков В.П.* Дневник участника русско-японской войны (1904-1905) дивизионного врача В.П. Кравкова // Время и судьбы: военно-мемуарный сборник. М., 1991. Вып. 1.
12. *Максимовский Н.* На войне. СПб., 1908.
13. *Менье Р.* Извлечения из сочинения профессора капитана Р. Менье о русско-японской войне // Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. СПб., 1907. Вып.8.
14. *О. Митрофан Серебрянский.* Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке. М., 1996.
15. *Павлов Е.Н.* На Дальнем Востоке в 1905 году. Из наблюдений о время войны с Японией. СПб., 1907.
16. *Писанецкий А.И.* На войне. Очерки, письма и заметки военного корреспондента. Полтава, 1909.
17. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. СПБ., 1910. Т. 1.
18. Разведчик. 1904. № 694.
19. Разведчик. 1904. № 727.
20. Разведчик. 1904. № 708.
21. *Рэкули Р.* 10 месяцев на русско-японской войне. СПб., 1908.
22. *Скосаревский.* Из боевой жизни офицера-разведчика в русско-японскую войну. СПб., 1911.
23. *Шеляпин М.П.* Пролог к Тюренченскому бою. Из жизни одной батареи в русско-японскую войну // Исторический вестник. 1904. № 7. Т. 97.
24. *Шикуц Ф.А.* Дневник солдата в русско-японскую войну. СПб., 1909.